Литургическая коллекция
Серия «НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ЛИТУРГИСТОВ»

А. А. ДМИТРИЕВСКИЙ

Рецензия на книгу Н. Ф. Красносельцева «К истории православного богослужения. По поводу некоторых служб и обрядов, ныне не употребляющихся. Казань, 1889»

Опубликовано: Богословский библиографический листок. 1889. № 12. С. 429–446.

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2008.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2008

БОГОСЛОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Приложеніе къ „Руководству для Сельскихъ Пастырей“.

Декабрь **№ 12.** 1889 года.

Къ исторіи православнаго богослуженія. По поводу нѣкоторыхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, нынѣ не употребляющихся. Матеріалы и изслѣдованія по рукописямъ соловецкой библіотеки. *Н. Красносельцевъ.* Казань. 1889.

Имя профессора Н. Ѳ. Красносельцева (нынѣ профессора церковной исторіи въ Императорскомъ университетѣ въ Одессѣ) пользуется въ наукѣ уже давно почетною извѣстностію. Послѣдніе годы почтенный профессоръ подарилъ церковно-археологическую и литургическую науку цѣлымъ рядомъ мелкихъ брошюръ и солидныхъ монографій по разнымъ вопросамъ избранной имъ спеціальности. Всѣ эти труды ученаго профессора отличаются солидными литературно-научными достоинствами и не прошли незамѣченными въ нашей періодической печати. Мы съ своей стороны намѣрены въ настоящій разъ обратить вниманіе читателей лишь на самыя послѣднія произведенія его плодовитаго пера и высказать нѣкоторыя иныя сужденія по вопросамъ, затронутымъ въ нихъ почтеннымъ авторомъ. На первомъ мѣстѣ мы ставимъ книгу, заглавіе которой выписали выше. Появленіе этой книги въ свѣтъ было вызвано подобною же работою протоіерея К. Никольскаго подъ заглавіемъ: »О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ«. Спб. 1885, въ которой авторъ разсмотрѣлъ и, насколько это было возможно, сдѣлалъ историко-археологическія объясненія *пятнадцати* разнообразныхъ »церковныхъ службъ, нынѣ уже не совершаемыхъ или вышедшихъ изъ употребленія« (стр. 5). Но такъ какъ »книга о. Никольскаго изслѣдуетъ намѣченный предметъ не *во всей полнотѣ:* иное здѣсь только намѣчено, а иное и вовсе опускается« (стр. 8), то проф. Красносельцевъ и былъ вызванъ »на дальнѣйшую разработку затронутыхъ въ ней предметовъ и на дополненіе новыми матеріалами«. (Ibid). Послѣднее касается чиновъ вступленія на паству новыхъ архіереевъ, лѣтопроводства и страшнаго суда и сдѣлано имъ на основаніи вновь открытой рукописи соловецкой библіотеки 1715 – 1723 г. № 1181 подъ заглавіемъ: »Книга глаголемая чиновникъ келейная архангело-городскаго Спасскаго собора, собранный отъ перваго чиновника и записокъ и отъ обычаевъ тоя церкви положенный«. Но на этомъ почтенный профессоръ не остановился. Въ виду того, что въ старинныхъ богослужебныхъ книгахъ имѣется нѣсколько весьма важныхъ чиновъ, нынѣ не употребляющихся и

почему то обойденныхъ о. Никольскимъ въ его книгѣ, какъ напр. чинъ омовенія трапезы въ великій четвертокъ, чинъ окладовати градъ, чинъ постриженія черницъ, послѣдованіе на освященіе масла въ великій четвертокъ и субботу, молитвы объ оглашенныхъ за утреней и вечерней и обрядъ оглашенія въ великую пятницу, чинъ, како молебенъ пѣти за болящаго и чинъ погребенія священниковъ и архіереевъ, то проф. Красносельцевъ въ своей настоящей книгѣ подвергъ историко-археологическому обслѣдованію и всѣ эти чины. »А такъ какъ, скажемъ мы словами самого г. Красносельцева, область, въ которой вращается излѣдованіе, весьма мало разработана, то, конечно, не обошлось безъ такихъ сужденій и заключеній, которыя вызываютъ возраженія и провѣрку« (стр. 6).

Проф. Красносельцевъ, разсматривая чинъ новолѣтія и дѣлая свои дополненія, какъ намъ кажется, совершенно напрасно хочетъ думать, что этотъ чинъ у насъ »на первыхъ порахъ едва ли былъ совершаемъ и что онъ будто-бы утвердился въ церковно-богослужебной практикѣ не раньше конца XIV в. (стр. 31). Мы приняли богослуженіе изъ Византіи частію непосредственно, частію посредствомъ южно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Въ византійской же церкви чинъ новолѣтія, какъ говоритъ и проф. Красносельцевъ, появился »приблизительно въ VI в.« (стр. 29). Было бы неестественно, если бы мы, позаимствовавъ богослуженіе и церковныя книги, не приняли изъ Византіи и чинъ новолѣтія. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что въ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ синаксаряхъ, какъ напр., при Остромировомъ евангеліи и др., »начало индикта« указывается именно на первое сентября. Изъ отвѣтовъ константинопольскаго собора 1276 года на вопросы сарайскаго епископа Ѳеогноста мы узнаемъ, что въ этотъ день »со кресты ходятъ,« т. е. совершается крестный ходъ на площадь и что архіерей во время молебна читаетъ евангеліе (Русск. Истор. библ. т. VI стр. 131). Уже эти одни факты достаточно ясно говорятъ за то, что чинъ новолѣтія былъ извѣстенъ у насъ далеко раньше XIV столѣтія, и что онъ совершался именно 1 сентября. Мы имѣемъ нѣкоторыя данныя полагать, что этотъ чинъ былъ извѣстенъ у насъ въ Россіи даже на самыхъ первыхъ порахъ принятія нами христіанства. Какъ извѣстно, въ чинѣ »новому лѣту како проводити« имѣется молитва: »Владыко Господи Боже нашъ, высокій, славный человѣколюбче воздая противу трудомъ славу и честь«,

которая представляется дословно тождественною съ молитвою въ извѣстномъ похвальномъ словѣ митрополита Кіевскаго Иларіона св. Владиміру или »о законѣ и благодати.« Это тождество было замѣчено учеными описывателями рукописей М. Синодальной библіотеки, покойными Горскимъ и Невоструевымъ, которые и не преминули высказать мнѣніе, что въ чинъ новолѣтія упомянутая молитва »извлечена изъ слова похвальнаго митрополита Иларіона кіевскаго св. Владиміру« (опис. ркп. м. Синод. библ. отд. III, ч. 1, М. 1869 г., стр. 229). Мнѣніе [1]) это было принято въ литературѣ и нынѣ повторяется всѣми, не исключая и проф. Красносельцева (стр. 16). Но въ дѣйствительности въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло ни больше ни меньше, какъ съ ошибкою, требующею давно исправленія. Чинъ новолѣтія, совершавшійся у насъ въ древности и извѣстный по рукописямъ XIV, XV и XVI вѣковъ сходенъ съ подобнымъ же чиномъ великой Церкви, который напечатанъ нынѣ съ небольшими ошибками въ »Записк. Импер. русск. археол. общества (новая серія) 1886 г. т. I г. Ивановымъ, но въ этомъ послѣднемъ изложенъ порядокъ его сравнительно кратко и не приводится молитвъ, хотя онѣ и предлагаются самымъ чиномъ. Болѣе обстоятельное и полное изложеніе чина новолѣтія мы находимъ въ южно-славянскихъ богослужебныхъ памятникахъ, которые, между прочимъ, содержатъ въ себѣ не только буквально тождественный чинъ новолѣтія съ нашими славяно-русскими памятниками, но даже и ту же самую молитву. Какъ образецъ такого чина новолѣтія, мы можемъ видѣть въ болгарскомъ требникѣ XVI в. № 126, л. 164 изъ библіотеки Императорскаго Новороссійскаго университета. Поэтому намъ думается, можно нынѣ установить весьма прочную связь нашего чина новолѣтія съ тѣмъ же чиномъ южно-славянскихъ памятниковъ, а равно и зависимость перваго отъ послѣдняго. Въ частности, мало вѣроятнаго въ томъ предположеніи, что южно-славянская практика, а она сходна, какъ мы сказали, съ

---

[1]) Мнѣніе относительно принадлежности кіевскому митрополиту Иларіону нѣкоторыхъ молитвъ и въ частности молитвы при въѣздѣ митрополита на епархію въ первый разъ высказывалось и въ нашихъ историческихъ документахъ XVI в. (Акты Археогр. Экспед. т. I, № 241), а покойный историкъ м. Макарій прямо утверждалъ, что таковою и могла быть молитва митрополита Иларіона извлеченная изъ слова „о законѣ и благодати“. Русск. Церк. Истор. т. I, стр. 137 и прил. № 7.

практикою греческой церкви, позаимствовала молитву для чина новолѣтія изъ слова *русскаго* митрополита Иларіона, а не наоборотъ, что гораздо естественнѣе, этотъ послѣдній воспользовался настоящею, уже готовою и вполнѣ подходящею для даннаго случая молитвою и вставилъ ее цѣликомъ въ свое слово »о законѣ и благодати«. Сдѣланное заимствованіе митрополитомъ Илларіономъ настоящей молитвы ясно приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что не только эта молитва, но и весь чинъ новолѣтія былъ извѣстенъ у насъ на самыхъ первыхъ порахъ принятія христіанства русскими и имѣлъ мѣсто въ богослужебной практикѣ на ряду съ другими чинами. Въ этомъ случаѣ мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго историка проф. Е. Голубинскаго. »Умовеніе ногъ, *лѣтопровожденіе* и дѣйство страшнаго суда со всею вѣроятностію, пишетъ онъ, *должно относить къ періоду домонгольскому и къ самому первому времени*, представляя дѣло такимъ образомъ, что обряды эти перешли къ намъ вмѣстѣ и единовременно или нераздѣльно съ самымъ общественнымъ богослуженіемъ... *Лѣтопровожденіе* и дѣйство страшнаго страшнаго суда состояли въ томъ, что для пѣнія праздничныхъ молебновъ, между заутренею и обѣдней выходили съ крестами и иконами вонъ изъ церквей, на площади предъ ними. Подобное совершеніе нарочитыхъ общественныхъ молебновъ есть древній греческій обычай и *нѣтъ совершенно никакихъ причинъ думать, чтобы онъ усвоенъ былъ нами только въ позднѣйшее время, а не съ самаго древняго* (Истор. русск. Церкви т. I, полов. 2-я, М. 1881 г. стр. 327).

Въ пятой главѣ книги подъ заглавіемъ: »Общее маслосвященіе въ великій четвертокъ или въ великую субботу« мы остановимъ свое мнѣніе на вопросѣ, имѣющемъ значеніе скорѣе догматическое, чѣмъ церковно-археологическое и литургическое, т. е. на разсужденіяхъ г. Красносельцева о томъ, маслоосвященіе, совершаемое въ указанные дни, есть ли таинство елеосвященія или что другое?« (стр. 88) Авторъ на этотъ вопросъ даетъ, по нашему мнѣнію, неправильный съ догматической и исторической точекъ зрѣнія отвѣтъ. »По ученію Православной Церкви, пишетъ г. Красносельцевъ, лица, пріемлющія таинство елеосвященія суть только (?) больные; благодать таинства сообщается этимъ лицамъ, чрезъ помазаніе ихъ освященнымъ елеемъ при чтеніи молитвы: »Отче святый, врачю душъ и тѣлесъ«. При маслоосвященіи въ великій чет-

вертокъ или субботу ничего этого не бываетъ: лицъ больныхъ, пріемлющихъ благодать таинства нѣтъ; присутствующіе же помазываются по совершеніи уже священнодѣйствія, такъ сказать внѣ его, послѣ отпускной молитвы и безъ произнесенія молитвы таинственнаго помазанія: »Отче святый, врачю душъ и тѣлесъ«; затѣмъ, кромѣ лицъ, присутствующихъ при совершеніи священнодѣйствія, тѣмъ же елеемъ помазуются стѣны монастырскихъ келлій. Словомъ: *помазаніе елеемъ здѣсь имѣетъ видъ не таинственнаго помазанія (!?), а какъ бы потребленія остатковъ.* Чрезъ это помазаніе вѣрующіе несомнѣнно освящаются, но не такъ, какъ въ таинствѣ (а какъ же?), на что есть довольно ясный намекъ и въ нашихъ старопечатныхъ потребникахъ... Вслѣдствіе всего этого общее помазаніе освященнымъ елеемъ въ великій четвертокъ или въ субботу нужно считать отличнымъ отъ помазанія въ таинствѣ елеосвященія« (стр. 88, 89); чтобы какъ-нибудь уяснить значеніе этого обряда для вѣрующихъ, для которыхъ освящается масло, авторъ дѣлаетъ цѣлый рядъ аналогій, сближеній, предположеній и догадокъ и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что пріуроченіе общаго маслоосвященія къ указаннымъ днямъ (т. е. къ великому четвергу и великой субботѣ) есть очевидное воспоминаніе объ этихъ древнихъ срокахъ возсоединенія съ церковію кающихся, а самое маслоосвященіе—видоизмѣненный съ теченіемъ времени обрядъ помазанія кающихся елеемъ покаянія, символически напоминавшимъ елей блудницы, помазавшей ноги Іисуса и получившей отпущеніе грѣховъ« (стр. 94). Всѣ эти крайне неопредѣдѣленныя, сбивчивыя сужденія по настоящему вопросу произошли отъ совершенно неправильной постановки вопроса, который долженъ начинаться не съ того, есть ли это помазаніе таинство или не таинство, а съ разсмотрѣнія самаго чинопослѣдованія, какъ давно оно вошло въ практику древне-греческой церкви, дѣйствительно ли это чинопослѣдованіе представляетъ нѣчто особенное, отличное отъ чинопослѣдованія таинства елеосвященія или оно тождественно съ нимъ. Правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ приведетъ насъ естественнымъ путемъ къ рѣшенію и втораго занимающаго насъ вопроса.

Намъ достаточно хорошо знакома литургическая письменность или церковно-богослужебныя книги греческой церкви. На основаніи этого знакомства, мы категорически можемъ сказать, что во

всѣхъ этихъ памятникахъ ни единымъ словомъ не упоминается о »чинѣ общаго маслоосвященія въ великій четвертокъ или въ великую субботу«, хотя, съ другой стороны, въ нихъ довольно часто, кромѣ чина таинства елеосвященія, совершаемаго отъ семи священниковъ надъ живыми (Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου ἁγιαζομένου ὑπὸ ἑπτὰ ἱερέων), встрѣчается совершенно подобный чинъ надъ умершими, который иногда, главнымъ образомъ въ старопечатныхъ греческихъ евхологіяхъ, приписывается Николаю, митрополиту Аѳинскому (Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου ψαλλομένη εἰς κοιμηθέντας ὑπὸ ἑπτὰ ἱερέων, ποίημα Νικολάου μητροπολίτου Ἀθηνῶν). Отсутствіе, однако, особаго чина для общаго маслоосвященія въ субботу и четвергъ на страстной седмицѣ вовсе не говоритъ за то, что въ богослужебной практикѣ греческой церкви не совершалось въ эти дни подобное маслоосвященіе. Мы имѣемъ самыя положительныя данныя, что оно совершалось у грековъ постоянно съ глубокой древности и продолжаетъ совершаться и доселѣ, съ тою, впрочемъ, разницею, что временемъ для него назначаются великій четвергъ и одинъ изъ послѣднихъ дней рождественскаго поста, послѣ окончанія утрени, по совершеніи исповѣди надъ кающимися, предъ литургіею, за которою они и пріобщаются св. таинъ. Кромѣ свидѣтельствъ Арсенія Суханова, Павла Алепскаго, Якова Гоара и др., на которыя указываетъ г. Красносельцевъ (стр. 86, 87), мы имѣемъ отъ XIV—XV вѣка свидѣтельство извѣстнаго литургиста Симеона Солунскаго, который, во-первыхъ, говоритъ объ этомъ обычаѣ, какъ весьма древнемъ, а, во-вторыхъ, ставитъ общее маслоосвященіе въ связь съ чиномъ исповѣди и, слѣдовательно, относитъ его совершеніе на тѣ же почти дни, когда оно практиковалось и у насъ въ древности. »Весьма необходимо елеосвященіе, какъ священный обрядъ изъ семи таинствъ (ὡς ἱερὰ τελετὴ καὶ τῶν ἑπτὰ μυστηρίων) надъ больными по принятому преданію, и надъ всякимъ вѣрнымъ (т. е. здоровымъ), хотящимъ приступать къ страшнымъ тайнамъ (ὑπὲρ πιστοῦ παντὸς βουλομένου προσελθεῖν τοῖς φρικτοῖς μυστηρίοις), особенно надъ всякимъ падшимъ во грѣхи и исполнившимъ правило покаянія, готовящимся къ пріобщенію и получившимъ прощеніе отъ отца (т. е. духовнаго); чрезъ этотъ священный обрядъ и помазаніе святымъ елеемъ оставляются грѣхи, какъ пишетъ братъ Господень; этому содѣйствуютъ и молитвы іереевъ« (Migne Patrol. curs. complet. t. 155, c. 932).

Теперь весьма любопытно будетъ найти самый чинъ общаго маслоосвященія, совершавшійся въ древности и совершаемый нынѣ въ греческой церкви въ эти покаянные дни, чтобы уже потомъ можно было рѣшать интересующій насъ вопросъ: есть ли это маслосвященіе таинство или простое благословеніе, какое, напр., совершается въ поліелейные дни отъ кандила святаго за утренею, и, слѣдовательно, потребленіе остатковъ и т. под., какъ думаетъ г. Красносельцевъ. Такъ какъ въ богослужебныхъ памятникахъ греческой церкви, какъ мы сказали выше, особеннаго чина для общаго маслосвященія не имѣется, то есть полное основаніе думать, что это маслосвященіе совершалось по одному изъ выше указанныхъ чиновъ. Само собою понятно, въ данномъ случаѣ не могъ имѣть мѣсто чинъ митрополита Аѳинскаго Николая надъ усопшими, такъ какъ апостолы, евангелія, ектеньи и молитвы, положенные въ чинѣ, заупокойные и содержатъ молитвы объ усопшемъ человѣкѣ, а не живомъ. Поэтому могъ совершаться въ эти дни и совершается доселѣ лишь обычный чинъ елеосвященія: Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου ἁγιαζομένου ὑπὸ ἑπτὰ ἱερέων, съ весьма незначительными особенностями, вызванными, какъ увидимъ ниже, чисто практическими соображеніями. Требникъ, т. е. обычный греческій евхологій, или болѣе нынѣ употребительный сокращенный требникъ, называемый »Агіосматаріономъ«, въ которомъ, между прочимъ, чинъ елеосвященія стоитъ вслѣдъ за »послѣдованіемъ исповѣдающихся«, служатъ обыкновенно руководителями въ данномъ случаѣ для семи священниковъ, требуемыхъ этимъ чиномъ. Если же совершается одно и то же чинопослѣдованіе, надъ одними и тѣми же веществами, одинаковымъ количествомъ священнодѣйствующихъ и съ одинаковымъ количествомъ молитвъ, чтеній изъ апостола и евангелія, то и дѣйствія святаго елея должны быть совершенно одинаковы въ обоихъ случаяхъ для помазуемыхъ. »Чрезъ этотъ священный обрядъ и помазаніе святымъ елеемъ, какъ говоритъ Симеонъ Солунскій, оставляются грѣхи«, т. е. сообщаются дары Св. Духа, это маслоосвященіе есть таинство, а »не потребленіе *остатковъ*« (откуда явились эти остатки, когда при началѣ совершенія чина вливаются въ кандило новые не освященные елей и вино или вода?), не помазаніе отличное отъ помазанія въ таинствѣ елеосвященія« (стр. 89), »не воспоминаніе о древнихъ срокахъ возсоединенія кающихся съ церковью«, »не видоизмѣненный

съ теченіемъ времени обрядъ помазанія кающихся елеемъ помазанія« (стр. 94) и т. п., какъ думаетъ г. Красносельцевъ.

Чтобы признать за общимъ маслосвященіемъ силу таинства, г. Красносельцеву мѣшаетъ то обстоятельство, что якобы »по ученію Православной Церкви лица пріемлющія таинства суть *только больные*« (стр. 88), но такой взглядъ относительно лицъ, надъ которыми можетъ быть совершаемо таинство елеосвященія далеко не можетъ быть названъ вполнѣ устойчивымъ и не возбуждающимъ возраженій. Симеонъ Солунскій, хотя и говоритъ о больныхъ, какъ объ объектѣ таинства елеосвященія, и говоритъ объ этомъ обычаѣ, какъ *принятомъ* въ церкви по преданію (ὡς παρελάβομεν), но не только не исключаетъ возможности совершенія сего таинства надъ физически здоровыми, но нравственно больными, т. е. покаявшимися и приступающими къ таинству принятія тѣла и крови Господнихъ, а ставитъ ихъ прямо наравнѣ съ больными, высказываетъ сужденіе о разрѣшеніи грѣховъ кающихся по преимуществу (μᾶλλον δε), черезъ это общее мослосвященіе. Подобный взглядъ на таинство елеосвященія не былъ чуждъ сознанію древне-христіанской Церкви, какъ не безъизвѣстно и г. Красносельцеву (стр. 90). Его высказывалъ св. Іоаннъ Златоустъ (О священствѣ кн. III, 6) и другіе отцы и учители св. церкви.

Что же касается другихъ отличій общаго маслоосвященія отъ чина елеосвященія надъ больными, то они, по нашему мнѣнію, суть ни болѣе ни менѣе, какъ недоразумѣніе г. Красносельцева. Въ дѣйствительной практикѣ эти мнимыя отличія не существовали. То совершенно вѣрно, что, при общемъ маслоосвященіи въ великій четвертокъ и великую субботу, »присутствующіе помазываются по совершеніи уже священнодѣйствія, такъ сказать *внѣ* его, *послѣ* отпускной молитвы« (стр. 88), но это дѣлалось и доселѣ дѣлается на востокѣ по чисто практическимъ и весьма основательнымъ соображеніямъ. Молящихся, при совершеніи чина елеосвященія, присутствуетъ въ храмѣ всегда много, а поэтому, если бы каждый священнослужитель сталъ помазывать ихъ по прочтеніи всякаго евангелія въ отдѣльности, что предписывается чиномъ и что съ удобствомъ выполняется, когда это таинство елеосвященія совершается надъ однимъ, то остальные священнослужители и массы богомольцевъ оставались бы долгое время безъ всякаго дѣла. За шумомъ и суетою молящихся, которые обязаны подходить къ елео-

помазанію, едва-ли бы представилась возможность безпрерывно совершать чинопослѣдованіе, а если бы іереи и сдѣлали это, то многое для молящихся по той же причинѣ не могло быть выслушано. Вотъ почему дѣлали прежде, дѣлаютъ и доселѣ на востокѣ такъ: совершаютъ чинопослѣдованіе безпрерывно до конца безъ помазанія молящихся, а затѣмъ, послѣ окончанія его, разливается освященный елей въ семь сосудиковъ, которые берутъ въ руки каждый изъ семи священниковъ, совершителей таинства, становятся къ сторонкѣ по чину въ рядъ, предварительно помазавъ другъ друга, и начинаютъ помазывать дефелирующій предъ ними народъ, читая при семъ *непремѣнно* молитву: »Отче святый, врачю душъ и тѣлесъ«. Такой порядокъ совершенія чина общаго маслоосвященія соблюдался въ великій четвергъ и въ великую субботу и у насъ въ нашей древне-русской богослужебной практикѣ, какъ это можно видѣть съ особенною ясностію изъ втораго списка »Устава общаго маслоосвященія въ великій четвертокъ«, напечатаннаго г. Красносельцевымъ по архангелогородскому чиновнику XVIII в. ркп. солов. библ. № 1181 (опис. № 789) л. 69—71 (стр. 99—101). Намъ поэтому остается совершенно не понятнымъ утвержденіе автора, что маслоосвященіе совершалось »безъ произнесенія молитвы таинственнаго помазанія: »Отче святый, врачю душъ и тѣлесъ«, стоящей въ указанномъ Уставѣ« именно на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ мы находимъ ее въ современной восточной практикѣ.

Указанное г. Красносельцевымъ послѣднее отличіе чина общаго маслоосвященія отъ чина частнаго елеосвященія, т. е. что »кромѣ лицъ, присутствующихъ при совершеніи священнодѣйствія, тѣмъ же елеемъ помазуются стѣны монастырскихъ келлій« (стр. 83), то этому отличію едва ли и слѣдуетъ придавать сколько нибудь серьезное значеніе. Во-первыхъ, это отличіе основывается пока всего на одной рукописи XVI в. изъ Софійской библіотеки № 1066 (Странн. 1880, IX—X, стр. 63),—основаніе слишкомъ шаткое, и во вторыхъ, какъ небезъизвѣстно и самому г. Красносельцеву (стр. 85, прим. 4), эта особенность не была чужда и чинопослѣдованіямъ таинства елеосвященія. Правда, въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ чинахъ таинства елеосвященія мы лично не встрѣчали этой особенности, не находимъ *опредѣленныхъ* указаній на памятники и въ разбираемой нами книгѣ проф. Красносельцева, на за то мы можемъ указать два списка этого чина съ занимающею насъ осо-

бенностію въ сербскихъ рукописяхъ (ркп. собр. Гильферд. (Имп. публ. библ. въ Петерб.) № 21 и 51 об.—72: ркп. Хлудов. собр. въ М. единовѣрческ. мон. № 118 и 27 об.).

Всѣ остальныя особенности чиновъ таинства елеосвященія и общаго маслосвященія, указанныя г. Красносельцевымъ, не заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, даже и упоминанія здѣсь.

Въ концѣ концовъ, сводя всѣ наши сужденія по вопросу: »маслосвященіе, совершаемое въ указанные дни есть ли таинство, или что другое? мы должны категорически сказать, что *оно есть безусловно таинство, ничѣмъ неотличное отъ таинства елеосвященія надъ больными, и что елей имѣетъ въ обоихъ случаяхъ одинаковую освящающую благодатную силу.*

При семъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что на востокѣ таинству елеосвященія придаютъ нынѣ значеніе второстепенное сравнительно съ таинствомъ причащенія, которое считается, по ученію восточныхъ отцевъ, печатью всякаго таинства. У насъ на Руси, какъ извѣстно, въ тяжкой болѣзни стараются больнаго возможно скорѣе пріобщить св. Таинъ и затѣмъ, если больной еще живетъ и выражаетъ желаніе, надъ нимъ совершается уже таинство елеосвященія. На востокѣ надъ больнымъ, пріобщеннымъ св. Таинъ, *никогда не совершается* таинство елеосвященія, такъ какъ въ этомъ случаѣ унижалась бы высота таинства евхаристіи. На востокѣ вообще сравнительно рѣдко совершается надъ больными таинство елеосвященія въ виду того, что тамъ дважды въ годъ оно совершается надъ здоровыми, а если и совершается, то вслѣдъ за нимъ уже больной непремѣнно пріобщается св. Таинъ. Что же касается масла, оставшагося послѣ совершенія таинства елеосвященія, то у насъ, въ случаѣ смерти больного, его выливаютъ въ гробъ и на оборотъ не бываетъ этого обычая надъ прахомъ лица, не сподобившагося при жизни сего таинства, но на востокѣ надъ всѣми умершими безразлично совершаютъ масловозліяніе, но берутъ его отъ каидила святаго, а не изъ остатковъ отъ св. масла, освященнаго въ таинствѣ елеосвященія.

Г. Красносельцевъ совершенно напрасно утверждаетъ, что »чинъ како подобаетъ молебенъ пѣти за болящаго« не вошелъ въ нашъ исправленный требникъ потому, что »его нѣтъ въ греческихъ требникахъ« (стр. 181). Безспорно были какія нибудь причины у нашихъ справщиковъ, почему они не включили этотъ

чинъ въ составъ нашего требника, но едва ли отсутствіе или неизвѣстность имъ греческаго оригинала его. Дѣло въ томъ, что въ греческихъ рукописныхъ евхологіяхъ встрѣчается очень много молитвъ, которыя читались въ древне-церковной практикѣ надъ болящими, имѣются и каноны за болящихъ и, наконецъ, цѣлыя аколутіи или послѣдованія. Какъ любопытнѣйшій образчикъ полнаго послѣдованія надъ болящими мы можемъ указать на послѣдованіе »ἀκολουθία εἰς νοσοῦντας« въ Синайской бомбицинной рукописи XIII вѣка № 982 л. 107. По составу молитвъ указанное послѣдованіе напоминаетъ чинъ, изданный г. Красносельцевымъ по рукописи Соловецкой библіотеки № 724 л. 205—213 (стр. 181), но въ греческомъ подлинникѣ всѣхъ молитвъ десять, а въ славяно-русскомъ ихъ меньше.

Трудно согласиться съ мнѣніемъ автора, что »чины на погребеніе священника начали составлять именно тогда, когда явилась нужда вывести изъ употребленія чинъ елея надъ умершими и, такъ сказать, взамѣнъ его« (стр. 204). Дѣло въ томъ, что хотя, по словамъ г. Красносельцева, особаго чина священническаго погребенія въ литургическихъ памятникахъ »не встрѣчается по крайней мѣрѣ до конца XV в.« (стр 195), но на самомъ дѣлѣ это не вѣрно. Намъ извѣстенъ особенный чинъ священническаго погребенія подъ заглавіемъ: »*чинъ проводныи іереи*« въ сербскомъ требникѣ, изъ библіотеки начальника русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, о. архимандрита Антонина, писанномъ въ XIII вѣкѣ на пергаминѣ. Правда, этотъ чинъ совершенно особаго состава, отличный отъ тѣхъ чиновъ, которые извѣстны г. Красносельцеву и имъ изданы въ разбираемой книгѣ, т. е. въ немъ нѣтъ молитвъ и семи апостоловъ и евангелій, а имѣются однѣ лишь стихиры и одинъ апостолъ и евангеліе, но фактъ существованія особаго чина священническаго погребенія гораздо ранѣе XV вѣка уже не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается чиновъ священническаго погребенія въ тѣхъ редакціяхъ, которыя имѣлъ въ виду авторъ, то они хотя и встрѣчаются дѣйствительно въ памятникахъ XV и XVI вѣковъ, но за то чины эти, какъ напр., въ сербскихъ рукописяхъ (ркп. Свято-Павлов. Аѳонск. м. № 149 л. 146; ркп. изъ собран. Севаст. въ М. Румянц. муз. № 1449 (по опис. 19) л. 149; слич. ркп. М. Синод. библ. № 307 (по опис. № 374) л. 112; ркп. Аѳон. Хиланд. м. № 119 л. 209), существуютъ одновременно съ чиномъ

»на освященіе масла умерьшіимь инокомь и бѣльцемъ«, а въ нѣкоторыхъ рукописяхъ даже рядомъ (Требн. ркп. изъ собр. П. И. Севастьян. М. Рум. Музея № 1449 л. 167 и л. 149). Въ первопечатныхъ венеціанскихъ изданіяхъ греческаго евхологія мы также видимъ оба чина вмѣстѣ, т. е. чинъ священническаго погребенія и чинъ маслоосвященія надъ умершими (см. Εὐχολ. Goar.). Это обстоятельство мало говоритъ въ пользу вѣроятности предположенія г. Красносельцева о замѣнѣ чина елеосвященія надъ мертвыми чинами священническаго погребенія, такъ какъ одновременность, а тѣмъ болѣе совмѣстность этихъ чиновъ въ рукописяхъ идетъ какъ разъ на перекоръ упомянутой цѣли и скорѣе можетъ придавать авторитетъ и значеніе въ глазахъ пользующихся этими рукописями даннымъ чинамъ, чѣмъ дискредитировать ихъ. Далѣе и сближеніе чиновъ или ихъ замѣна одного другимъ является нѣсколько странною и неестественною. Чинъ маслосвященія надъ усопшимъ надписывается такъ: »чинь на освященіе масла умершіимь *инокомь и бѣльцемь*«, т. е. монахамъ и мірянамъ и своимъ надписаніемъ ни единымъ словомъ не говоритъ о священникѣ, чинъ же священническаго погребенія, имѣя надъ собою надписаніе: »чинъ преставившимсе попомь погребь«, или »чинь проводныи іереи« и т. п., исключаетъ всякую мысль о монахахъ и бѣльцахъ. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на содержаніе или на предполагаемое тождество обоихъ чиновъ, какъ утверждаетъ г. Красносельцевъ, то мы увидимъ самымъ яснымъ образомъ, что это сходство фиктивное и ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права ставить въ параллель оба чина, и тѣмъ болѣе въ какую нибудь генетическую зависимость. Итакъ, въ чемъ же сходство обоихъ разсматриваемыхъ чиновъ? »Чины погребенія, пишетъ г. Красносельцевъ, по образцу этого чина (т. е. маслосвященія надъ усопшими) и содержатъ въ себѣ *нѣкоторыя изъ молитвъ, въ немъ находящихся и большую часть апостольскихъ и евангельскихъ чтеній*« (стр. 204). Провѣряя эти слова г. Красносельцева съ памятниками въ рукахъ, мы должны сказать, во-первыхъ, что въ обоихъ чинахъ *всѣ молитвы свои самостоятельныя* и ничего общаго даже по мыслямъ не имѣютъ, во-вторыхъ, что евангельскія чтенія и въ томъ и другомъ чинахъ не только совершенно различны по зачаламъ, но даже по характеру самыхъ чтеній (въ чинѣ маслосвященія всѣ заупокойныя евангелія, а въ чинѣ священническаго погребенія—большею

частію воскресныя) и, въ-третьихъ, если уже находить сходство между разсматриваемыми чинами, то оно будетъ состоять всего лишь въ *четырехъ* апостольскихъ чтеніяхъ, встрѣчающихся въ обоихъ чинахъ—данныя, какъ это всякому понятно, слишкомъ ничтожныя, чтобы можно было говорить о сходствѣ разсматриваемыхъ чиновъ. И такъ, если разсматриваемые чины ничего не имѣютъ общаго въ своемъ надписаніи, совершенно различны по содержанію или изложенію, если оба чина встрѣчаются въ рукописяхъ одного и того же времени, а иногда оба и на страницахъ одного и того же памятника и даже рядомъ, то намъ думается, что мы смѣло можемъ отрицать всякую зависимость одного чина отъ другого и фактъ замѣны въ богослужебной практикѣ одного чина другимъ подвергнуть большому сомнѣнію, если не положительному тоже отрицанію. Но, если бы мы на время допустили вѣроятность подобнаго предположенія, то для насъ было бы крайне интересно спросить г. Красносельцева: какъ онъ объяснитъ появленіе въ нашихъ богослужебныхъ рукописяхъ чиновъ священническаго погребенія? Какъ извѣстно, чины маслоосвященія надъ умершими мы встрѣчаемъ лишь въ памятникахъ греческой и южно-славянской церквей и поэтому, при изученіи богослуженія этихъ церквей, еще возможно говорить о замѣнѣ одного чина другимъ, но по какой причинѣ въ нашихъ славяно-русскихъ памятникахъ явились чины священническаго погребенія—этотъ вопросъ остается совсѣмъ безъ отвѣта. Дѣло въ томъ, что въ нашу церковно-богослужебную практику чинъ маслосвященія надъ умершими не былъ принятъ и въ самыхъ полныхъ богослужебныхъ памятникахъ онъ не встрѣчается, а поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что у насъ чины священническаго погребенія явились съ цѣлью вытѣсненія чина маслосвященія надъ умершими. Въ виду всего нами сказаннаго, слѣдуетъ оставить всякую мысль о зависимости данныхъ чиновъ и разсматривать исторію каждаго изъ нихъ самостоятельно. Частнѣе, что касается чина священническаго погребенія, то онъ долженъ былъ явиться въ богослужебной практикѣ христіанской церкви очень рано. Если существовали особые чины погребенія монаховъ, мірянъ-мужчинъ, мірянъ-женщинъ, дѣтей, то трудно допустить, чтобы церковь не выработала особаго чина погребенія для лицъ священнаго сана, по своему іерархическому положенію высоко стоящихъ надъ остальными членами церкви. Можно, пожалуй, со-

гласиться съ г. Красносельцевымъ, что на первыхъ порахъ церкви христіанской особенности чина погребенія лицъ священнаго сана заключались лишь въ чтеніи особыхъ молитвъ, за что говорятъ древнѣйшіе евхологіи, не имѣющіе въ себѣ полнаго чина, но отдѣльныя лишь молитвы съ заглавіемъ: εὐχὴ ἐπιτάφιος εἰς ἐπισκόπους (Goar. Εὐχολ. pag. 580), εὐχὴ εἰς τελευτήσαντα ἱερέα и εὐχὴ εἰς διάκονον κοιμηθέντα (ркп. Синайск. м. № 984 и 114—115), и въ нѣкоторыхъ обрядахъ, касающихся приготовленія тѣла умершихъ духовныхъ лицъ къ погребенію (у Симеона Солунскаго), положенія его для отпѣванія въ храмѣ (у Діонисія Ареопагита), возліянія мѵра на тѣла умершихъ священниковъ и діаконовъ (у Вальсамона), вложенія святаго хлѣба въ руки умершаго архіерея (у него же) и т. п., изъ коихъ весьма многіе удержались даже и въ позднѣйшее время въ полныхъ чинахъ XV и XVI вѣковъ, но что полнаго чина строго регламентированнаго не имѣлось въ практикѣ. Эту уступку мы допускаемъ на томъ основаніи, что изъ древнѣйшей церковной практики мы, собственно говоря, не имѣемъ полнаго чина даже литургіи и другихъ чиновъ таинствъ, а знаемъ однѣ лишь молитвы, которыя осложнились обрядовыми дѣйствіями только въ XIV и XV вв. и дали начало нынѣшнимъ чинамъ; тѣмъ не менѣе никто не станетъ на этомъ основаніи утверждать, что чина литургіи не было до XIV вѣка. Съ чиномъ священническаго погребенія произошло тоже самое: сначала явились молитвы, потомъ въ практикѣ установились нѣкоторые обряды и церемоніи, которые потомъ были изложены около XIII в. въ особый чинъ, значительно осложнившійся въ XV и XVI вѣкахъ. Отсюда, весьма понятно, изложенія чиновъ священническаго погребенія были разнообразны, какъ и другихъ чинопослѣдованій Православной Церкви, и изъ нихъ образовалась въ XV вѣкѣ особая довольно объемистая книга подъ названіемъ: Ἐξοδιαστικόν (ркп. Савв. библ. въ Іерусал. № 373), подобно тому, какъ и изъ чиновъ монашескаго постриженія нѣсколько раньше составилась книга: Σχηματολόγιον. Въ упомянутомъ Ἐξοδιαστικόν—ѣ мы находимъ чины погребенія для всѣхъ іерархическихъ степеней и лицъ священнаго сана, какъ это ясно изъ слѣдующаго весьма любопытнаго начала: εἴ τις ἐπίσκοπος, ἢ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος, ἢ ὅλος τοῦ καταλόγου τοῦ ἱερατικοῦ ἐκδημήσει κ. τ. λ. и чины эти заключаютъ 119 листовъ рукописи in quart., писанной въ два столбца уборис-

тымъ мелкимъ письмомъ. Такіе чины, само собою понятно, не могли образоваться вдругъ, и прошелъ, очевидно, довольно длинный промежутокъ времени между первыми зачатками даннаго чина и его настоящею полною редакціею. Что же касается частнѣе чина погребенія священниковъ, нынѣ практикуемаго, то онъ явился не въ XVII столѣтіи, какъ думаетъ г. Красносельцевъ (стр. 194), а нѣсколько раньше. Первыя указанія на эту редакцію чина священническаго погребенія мы находимъ въ рукописяхъ конца XV, а затѣмъ онъ прочно утвердился въ богослужебной практикѣ XVI в. черезъ старопечатныя греческія изданія евхологія въ Венеціи, въ которомъ всегда помѣщался настоящій чинъ.

Въ главѣ: »о чинѣ постриженія черницъ«, мы остановимся лишь на вопросѣ о происхожденіи этого чина. »Съ XV в., по словамъ г. Красносельцева, въ нашихъ рукописныхъ требникахъ, рядомъ съ чиномъ постриженія въ великую схиму мужчинъ началъ помѣщаться *особый* »чинъ постриженія черницъ ангельскаго образа« (стр. 135). Но ни этотъ фактъ, ни категорическое заявленіе митрополита Кипріана, что »постриганіе чернцамъ и черницамъ *едино есть*« (стр. 139), ни заявленіе справщиковъ XVII в., что »такого чина ни въ печатныхъ ни въ рукописныхъ греческихъ богослужебныхъ книгахъ« не имѣется (стр. 140), »ни *личныя*, наконецъ, наблюденія и сообщенія другихъ лицъ относительно отсутствія этого чина въ письменныхъ памятникахъ греческой церкви (стр. 141) не убѣдили нашего автора и не заставили его примириться съ настоящимъ фактомъ. »Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, пишетъ г. Красносельцевъ послѣ всего вышеуказаннаго, что чинъ этотъ хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, существовалъ не только въ XIV вѣкѣ, но и въ вѣка болѣе ранніе и не только въ русской церкви, но и въ греческой« (стр. 140). Причина этого непреодолимаго желанія видѣть происхожденіе разсматриваемаго чина въ глубокой древности заключается въ надеждѣ автора отыскать въ греческой письменности подлинникъ настоящаго чина, »потому что греческія литургическія рукописи съ сущности изслѣдованы еще весьма мало« — это во-первыхъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что »сохранились все таки указанія на то, что въ болѣе ранній періодъ, и именно VIII—IX в., и у грековъ существовалъ особый чинъ, если не точно такой, какой извѣстенъ намъ по русско-славянскимъ рукописямъ, то по-

добный. Указанія эти мы находимъ въ знаменитомъ Барбериновомъ евхологіѣ, VIII в., и въ правилахъ константинопольскаго патріарха Никифора« (стр. 141) который говоритъ слѣдующее: »Два (чина) молитвъ святой схимы содержатъ евхологіи: одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ« (стр. 143). Но при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ самый фактъ существованія разсматриваемаго чино-постриженія съ XV в. остается фактомъ и нисколько авторъ не подвинулся къ рѣшенію относительно мѣста и времени происхожденія его. То несомнѣнно, что для женскаго постриженія въ евхологіяхъ VIII—IX в. существовали особыя молитвы, отдѣльныя отъ мужскихъ, при чемъ къ нимъ иногда присоединялись и особые тропари, но чтобы существовали два особыхъ чина для мужчинъ и женщинъ—этого мы ни откуда не видимъ. Подтвержденіе первой мысли мы находимъ въ Барбериновскомъ евхологіѣ VIII—IX вв., а вторую основываемъ на правилѣ патріарха Никифора (806—815), который, прибавимъ здѣсь, говоритъ не о двухъ *чинахъ*, какъ хочетъ толковать это правило г. Красносельцевъ, а о двухъ молитвахъ (τὰς δύο εὐχὰς τοῦ ἁγίου σχήματος, ὥσπερ ἔχουσι τὰ εὐχολόγια, τὴν μὲν εἰς ἄνδρας, τὴν δὲ εἰς γυναῖκας σὺν καί τισι τροπαρίοις) или о двухъ видахъ молитвъ, т. е. для мужчинъ и женщинъ. Патріархъ Никифоръ и не могъ говорить о двухъ отдѣльныхъ чинахъ постриженія, одного для мужчинъ, другаго для женщинъ, потому что евхологіи греческіе ни въ его время, ни въ болѣе позднее не имѣли въ себѣ подобныхъ чиновъ, а содержали лишь одинъ чинъ, но съ разными молитвами и тропарями для мужчинъ и женщинъ, которые излагались на ряду въ чинѣ и выдѣлялись надписаніемъ: »εἰς γυναῖκας«. Такой чинъ мы находимъ у современника патріарха Никифора извѣстнаго пѣснописца Ѳеодора Студита († 826) въ его вновь нами открытомъ »Σχηματολόγιον—ѣ (ркп. XV в. русск.-Пантелеим. мон. на Аѳонѣ). Въ этомъ же родѣ намъ извѣстенъ чинъ постриженія по списку XIII вѣка (ркп. Синайск. мон. № 967), въ которомъ для женщинъ (εἰς γυναῖκας) имѣются не только отдѣльные тропари и особыя молитвы, но даже цѣлые антифоны. Впрочемъ, намъ извѣстенъ одинъ греческій евхологій XIV в., въ которомъ имѣются самостоятельные чины для постриженія женщинъ (ркп. Кутлумушск. аѳон. м. № 491), но этотъ фактъ можно считать исключительнымъ. Настоящій евхологій написанъ и составленъ для женскаго константинопольскаго монас-

тыря *Спаса Филантропа*, основаннаго близъ св. Софіи византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ (Н. Кондак. Визант. ц. и памятн. Констант. Од. 1886, стр. 73, 81, 105), и по этому въ этомъ евхологіонѣ всѣ почти чины изложены для женщинъ, какъ напр., чинъ елеосвященія (προσέρχεται ἡ μέλλουσα ποιῆσαι τὸ ἅγιον ἔλαιον) чинъ погребенія (τάξις καὶ ἀκολουθία ἐπὶ τελευτήσης μοναχῆς) и т. п. Но и здѣсь находимъ чинъ постриженія женскаго изложеннымъ по образцу чина мужскаго постриженія съ весьма, впрочемъ, незначительными особенностями и стихирами, о которыхъ въ самомъ памятникѣ замѣчается, что онѣ вошли сюда на основаніи обычая сего монастыря (προεγράφησαν καὶ ἐτέθησαν ἐν τῇ σεβασμίᾳ ταύτῃ τοῦ Φιλανθρόπου μονῇ). Казалось бы гдѣ, какъ не въ данномъ евхологіѣ, было весьма умѣстно помѣстить чинъ женскаго постриженія въ той редакціи, которая извѣстна г. Красносельцеву, но и здѣсь мы не находимъ его. Это то послѣднее обстоятельство и даетъ намъ смѣлость думать, что настоящаго чина женскаго постриженія или вовсе не было извѣстно въ практикѣ греческой церкви (припомнимъ отзывъ нашихъ справщиковъ), или онъ имѣлъ мѣсто въ какомъ нибудь опредѣленномъ женскомъ монастырѣ, какъ особенность мѣстной практики, за что можетъ говорить и то обстоятельство, что и въ нашихъ славяно-русскихъ богослужебныхъ памятникахъ онъ встрѣчается не часто. Но одно выше всякаго сомнѣнія, что до XV в. этотъ чинъ не былъ извѣстенъ въ богослужебной практикѣ ни у насъ на Руси ни на востокѣ. Въ это же время онъ появляется сначала въ сербскихъ памятникахъ съ заглавіемъ: »служба на постриженіе черноризици« (ркп. изъ собранія Гильфердига въ Имп. публ. библ. въ Спб. № 21 л 37 об.—47), а оттуда почти одновременно попадаетъ и на страницы нашихъ богослужебныхъ памятниковъ.

Можно было бы сдѣлать и еще нѣсколько замѣчаній на нѣкоторые частные вопросы, затронутые любопытною книгою г. Красносельцева, но въ виду того, что наша замѣтка принимаетъ обширные размѣры, мы проходимъ ихъ молчаніемъ и рекомендуемъ настоящую книгу особенному вниманію нашихъ читателей. Книга эта наполнена матеріаломъ весьма интереснымъ и новымъ, обслѣдованнымъ большею частію весьма обстоятельно и по источникамъ первой руки. Впрочемъ, во всѣхъ трудахъ почтеннаго профессора литургиста чувствуется недостаточно всестороннее знакомство съ

первоисточниками нашего богослуженія, и въ этомъ отношеніи спеціалисты могутъ ему дѣлать упрекъ, но для обыкновеннаго читателя этотъ недостатокъ не замѣтенъ. Книга чужда безжизненности и сухости, что такъ рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ, изложена языкомъ живымъ и даже увлекательнымъ и читается съ неослабнымъ интересомъ отъ начала до конца.

А. Дмитріевскій.

Издательство православной

богословской литературы

“АКСИОН ЭСТИН”

(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте,

пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru